

© 2025. С. С. Жданов

Новосибирский государственный технический университет
Сибирский государственный университет геосистем и технологий
г. Новосибирск, Россия

Идиллия и история в репрезентации Малороссии (на материале «Поездки профессора Погодина за границу в 1842 году» М. П. Погодина)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-01431 «Репрезентация пространства Украины в русской культуре конца XVIII–XIX веков (на материале отечественных травелогов): дискурсы, нарративы, топосы», <https://rscf.ru/project/24-28-01431/>

Аннотация: В статье рассмотрена репрезентация пространства Малороссии в «Поездке пр<офессора> Погодина за границу в 1842 году» М. П. Погодина. Оно представлено двумя локальными типами. Во-первых, это пространство идиллии, маркируемое мотивами привлекательности, изобилия, простора, естественности, свободы. Особое значение при описании данного топоса уделено образу малороссийского Дома-Сада. С этим типом связан образ малороссийского крестьянина как «естественного человека», свободного от пороков цивилизации. Дополнительной литературной призмой, через которую нарратор смотрит на идиллическую Малороссию, выступает гоголевский текст. Во-вторых, Малороссия выступает как пространство исторической памяти, т. е. линейного, а не ахронно-идиллического времени, что актуализирует, в частности, мотив забвения. Историческая персонификация представлена целым рядом деятелей от эпохи Владимира I до XIX века.

Ключевые слова: М. П. Погодин, Н. В. Гоголь, Украина, Малороссия, Галиция, имагология, пространство, травелог, русская литература.

Информация об авторе: Сергей Сергеевич Жданов, доктор филологических наук, доцент, Новосибирский государственный технический университет, пр-т К. Маркса, д. 20, 630073 г. Новосибирск, Россия; Сибирский государственный университет геосистем и технологий, ул. Плеханова, д. 10, 630108 г. Новосибирск, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8898-6497>

E-mail: fstud2008@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 19.10.2024

Дата одобрения статьи рецензентами: 27.01.2025

Дата публикации статьи: 25.06.2025

Для цитирования: Жданов С. С. Идиллия и история в репрезентации Малороссии (на материале «Поездки профессора Погодина за границу в 1842 году» М. П. Погодина) // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 2. С. 80–101. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-2-80-101>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 7, no. 2, 2025, pp. 80–101. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 7, no. 2, 2025, pp. 80–101. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2025. **Sergey S. Zhdanov**
Novosibirsk State Technical University
Siberian State University of Geosystems and Technologies
Novosibirsk, Russia

Idyll and History in Little Russia Representation (Based on “Journey of Professor Pogodin Abroad in 1842” by M. P. Pogodin)

Acknowledgments: This work was carried out with financial support of the Russian Science Foundation, project no. 24-28-01431 “Representation of the Ukraine Space in the Russian Culture of the Late 18th –19th Century (Based on Russian Travelogues): Discourses, Narratives, Topoi” (<https://rscf.ru/project/24-28-01431/>).

Abstract: The article examines the representation of the space of Little Russia in M. P. Pogodin’s “Trip of Professor Pogodin Abroad in 1842.” Two local types represent it. Firstly, it is the space of the idyll, marked by the motives of attractiveness, abundance, space, naturalness, and freedom. This topos is of particular importance if we talk about the description of these topos regarding the Little Russian House-Garden. This type is associated with the image of the Little Russian peasant as a “natural man” free from the vices of civilization. Gogol’s text acts as an additional literary prism through which the narrator looks at the idyllic Little Russia. Secondly, Little Russia acts as a space of historical memory, i. e., linear rather than achronic-idyllic time, which actualizes, in particular, the motive of oblivion. The historical sphere of characters is represented by several figures from the era of Vladimir I to the 19th century.

Keywords: M. P. Zhdanov, N. V. Gogol, Ukraine, Little Russia, Galicia, imagology, space, travelogue, Russian literature.

Information about the author: Sergey S. Zhdanov, DSc in Philology, Associate Professor, Novosibirsk State Technical University, K. Marks Ave., 20, 630073 Novosibirsk, Russia; Siberian State University of Geosystems and Technologies, Plakhotnogo St., 10, 630108 Novosibirsk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8898-6497>

E-mail: fstud2008@yandex.ru

Received: October 19, 2025

Approved after reviewing: January 27, 2025

Published: June 25, 2025

For citation: Zhdanov, S. S. “Idyll and History in Little Russia Representation (Based on ‘Journey of Professor Pogodin Abroad in 1842’ by M. P. Pogodin).” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 7, no. 2, 2025, pp. 80–101. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-2-80-101>

Проблематика образов Украины/Малороссии, в том числе на материале русских травелогов, не раз становилась объектом литературоведческого анализа, примерами чему служат диссертации В. И. Мацапуры [Мацапура], И. Булкиной [Булкина] и Т. А. Васильевой [Васильева], а также монография А. В. Марчукова [Марчуков], статьи В. С. Киселева и Т. А. Васильевой [Киселев, Васильева], С. С. Жданова [Жданов 2024]. При этом в рамках данной проблематики фактически не рассматривался довольно любопытный травелог М. П. Погодина «Поездка пр<офессора> Погодина за границу в 1842 году», опубликованный (частично) в журнале «Москвитянин» в 1844 г., хотя, конечно, иные погодинские тексты изучались с точки зрения представленности в них как пространственных репрезентаций Своего и Чужого [Мазин; Рудикова; Сизинцева; Чикалова; Жданов 2018], так историко-политических взглядов автора на «украинский вопрос» [Сосенков; Савчук, Билавич; Гайда]. Единственным, известным нам исключением, является работа С. С. Беякова [Беяков], в которой приводятся отдельные фрагменты погодинского травелога, связанные с образом украинского дома, но пространственная образность всего текста не проанализирована.

Соответственно целью нашего исследования выступает семиотико-имагологический анализ особенностей репрезентации пространства Малороссии в «Поездке пр<офессора> Погодина за границу в 1842 году» М. П. Погодина. Помимо указанной выше публикации в «Москвитянине» нами использованы черновые (неопубликованные в журнале) фрагменты продолжения погодинского травелога в пересказе Н. П. Барсукова (закавыченные цитаты, посвященные «галицкому» эпизоду путешествия и маркированные малороссийскостью)¹.

¹ См. также подробнее датированные записи о погодинском путешествии на электронном ресурсе: <https://corpus.prozhito.org/notes?diaries=%5B9937%5D&diaryTypes=%5B1%5D&offset=1975>. Вообще, Погодин был

Репрезентация пространства Малороссии в тексте Погодина выстроена как, во-первых, градуальное удаление от Своего к Чужому с четким фиксированием границ, по пересечении которых наступает качественное изменение топосов. Первая граница — это традиционный для русских травелогов первой половины XIX в. момент перехода от Белгородчины к Харьковщине: «За Белгородом начинаются Малороссийские села»¹ [Погодин 1844b: 154]. Ср. с травелогом П. И. Сумарокова («Но что означает в селе Липцах, последней к Харькову станции, сия крутая перемена во всем, что только взору не представляется? <...> отсюда начинается край, называемый Малороссией» [Сумароков: 45]), ту же смену великороссийскости на малороссийскость встречаем и в текстах И. М. Долгорукого («Наконец въехали мы в пределы Украины. <...> Появились Хохлы. В 28 верстах от Харькова деревня Липцы ими населена» [Долгорукий: 45]) и Н. С. Всеволожского («Здесь чувствуешь уж совсем иную природу: ты вступил в Малороссию!» [Всеволожский: 45]).

С этой границы в погодинском тексте описывается — условно обозначим — Левобережная Малороссия, включающая Харьковщину, Полтавщину и Киевщину, где Киев образует границу с новым топосом — Правобережной Малороссией (по сути, Воынью) вплоть до австрийской границы с Галицией.

В связи с этим отметим еще один маркер градуальных изменений, которым, помимо оппозиции «Свое — Чужое», служит оппозиция «идиллическая упорядоченность — энтропийность». Действительно, Левобережная Малороссия есть квинтэссенция идиллии, воплощенной в демиприродном пространстве рустикальных локусов полей и долин, которые маркированы мотивами визуальной привлекательности, изобильности, простора и связанной с последним свободы (и при этом малолюдности): «Какая природа вокруг благодатная! Какой вездe простор! <...> я отправился, озирая кругом поля, леса, луга. Что за прелесть — полосы лиловые. Народу никого не встречаешь» [Погодин 1844b: 158]; «Поля покрыты хлебом, как яичным желтком. На солнце

намерен опубликовать продолжение «Поездки...», о чем свидетельствует концевая помета в напечатанном в «Москвитянине» тексте («до след. книги» [Погодин 1844b: 173]).

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация источников приближены к современным.

переливаются они, что твое золото» [Погодин 1844b: 161]; «Что за привольная жизнь в Малороссии! Какое изобилие во всех естественных произведениях, нужных для продовольствия» [Погодин 1844b: 162]; «Какая живописная дорога, <...> лучи солнца <...> представляют волшебную игру света <...> вид на Сулу и заречье прелестный» [Погодин 1844b: 162]; «Золотоноша в долине на берегу реки, которая носила некогда золото, очень живописна» [Погодин 1844b: 165]. Ср. также¹: «Что за мосты через Голтву, которая пробирается болотами!» [Погодин 1844b: 159].

Особо стоит выделить описанный наиболее комплементарно и эмоционально локус малороссийского Дома, который вбирает в себя мотивы визуальной привлекательности, природосообразности/естественности: «Как я люблю их [малороссийские села — авт.!] Что за прелесть — эти белые хаты с шоколадными кровлями, в сени зеленых развесистых деревьев, рассыпанные по склону горы. <...> обитатель их в дружбе с природою, что он любит свой домашний кров и не покидает его без нужды» [Погодин 1844b: 154]. Отметим важность сублокуса сада при Доме или окружающих хату деревьев — этот образ маркирует домашнее пространство как уютно-закрытое, укромное (отграниченное от энтропийного внешнего пространства). Так, Погодин подчеркивает в скупом пейзажном описании архиерейского дома в Харькове деталь блеска месяца² «сквозь ветви тополей» [Погодин 1844b: 154]. В изображении другого домашнего локуса образ сада доминирует благодаря маркеру масштабности над образом дома: «Низенький, но обширный дом под тению черешен, рябин и тополей, среди неизмери-

¹ Вообще, по обилию восклицаний, возвышенного тона повествования погодинский текст напоминает «малороссийский» фрагмент травелога Н. И. Греча, который не столько описывает киевское пространство, сколько эмоционализирует по поводу созерцаемого: «Не могу выразить удовольствия, восторга, умиления, с какими я въехал в Киев, прекрасный во всех отношениях!» [Греч: 192]; «Вот Боричев въезд!» [Греч: 193]; «Приезжайте в Киев сами, но с меня описания не требуйте!» [Греч: 194].

² В связи с погодинским ночным пейзажем отметим значимый для русской литературной традиции мотив малороссийского неба (необязательно в контексте ноктюрности), отличного от неба Великороссии. Акцентирование этого мотива присутствует в дорожном дневнике Погодина, но не вошло в его статью в «Москвитянине»: «Что за небо! Звезды сверкают, но не так, как у вас» [Из дорожного дневника: 478].

мого сада» [Погодин 1844b: 162]. В репрезентации дачи харьковского архиерея акцентирован мотив идиллической уединенности, остранинно сопрягающий в себе малороссийское и французское: «уединенный сад», «точно эрмитаж Руссо в Монморанси» [Погодин 1844b: 154].

В духе руссоизма автор воспринимает и антропный компонент, изображая малороссиянина как своего рода “благородного наивного дикаря”, неиспорченного цивилизацией: «Что за невинность, просто-та в лицах!» [Погодин 1844b: 158]; «что за милые простодушные лица встречались мне на станциях, в приказных избах» [Погодин 1844b: 165]. Более того, мотив невинности служит у Погодина различием между пространствами «хохлов» и «москалей»: «Малороссиянин дольше не чувствовал нужды, оттого он и невинен; его не беспокоит жадность Москаля» [Погодин 1844b: 166]. При этом мотив невинности выводится автором из мотива закрытости малороссийского Дома-Сада: «он счастлив внутри своей хаты, под черемухою» [Погодин 1844b: 166]. Соответственно, в тексте отметим оппозицию «привязанный к Дому малороссиянин — менее связанный с Домом великороссиянин», что в свою очередь, акцентирует большую проявленность образа уютного, упорядоченного Дома-Сада в малороссийском пространстве: «Совсем не то в Великой России; деревца вы не увидите часто подле избы, и редко сидит дома заботливый хозяин; он спешит с промысла на промысел. У него изба — только ночлег» [Погодин 1844b: 154]. Впрочем, идиллия рустикальной Малороссии не носит абсолютно закрытый ахронный характер, подвергаясь вторжению внешнего пространства в варианте энтропийной порчи: «роскошь уже закралась и производит опустошения, рождает недостаток, притеснение и насилие» [Погодин 1844b: 162]. Но в целом погодинский образ малороссиянина комплиментарно-монолитен в сравнении с левшинским, который также базируется на мотиве естественности малороссиянина, его вписанности в природное пространство («изобилие в прекрасных картинах природы, щедрость земли и счастливый климат Малороссии делают жителей здешних веселыми и склонными к забавам»), но осложнен, например мотивом «дикарской», «южной» лени («они бы могли назвать себя счастливыми, ежели бы большая чаешь их была попечительною и пользовалась, Творцом дарованными, сокровищами» [Левшин: 69–70]). Ср. также некорректное по нашим временам сравнение Долгоруким «Хохла» с «Негром» [Долгорукий: 243]. То отсутствие роскоши, кото-

рое Погодиным рассматривается как маркер патриархальной чистоты нравов и невинности, т. е. пространства идиллии, по сути, в более рациональном нарративе Левшина становится отрицательно оцениваемой «бедностью»: «Бедность Малороссийского народа на каждом шаге ощутительна; <...> она происходит от беспечности» [Левшин: 70].

Еще одной особенностью идиллической Малороссии в погодинском тексте является ее «гоголевский» компонент, отсутствующий в иных упоминаемых здесь текстах русской литературы, маркированных украинскостью. Таким образом, Погодин-нарратор смотрит на описываемое пространство через призму гоголевской репрезентации, что актуализировано в описаниях топосов имения матери Гоголя и Миргорода, которые автор посещает особо: «Мне хотелось, потому что семь верст не крюк, навестить мать Гоголя около Миргорода и осмотреть его родину» [Погодин 1844b: 157]. В репрезентации Васильевки центральное место занимает образ отмеченного мотивами изобилия и хозяйственной упорядоченности гоголевского Дома-Сада в обрамлении патриархальной идиллии хат и скота: «Виден барский дом в одно жилье, как все в Малороссии, длинный, выкрашенный белою краскою, увенчанный высокими, развесистыми деревьями. Впереди рассыпаны хаты. Стадо возвращалось домой. Мы осмотрели весь дом, сад на берегу пруда, густой с разными затейливыми гротами и пещерами, извилистыми дорожками, рошицами, гумно, кладовые, погреба с наливками, вареньями, сырами и разными произведениями Малороссийской природы; потом крестьянские хаты» [Погодин 1844b: 159]. Природность и изобильность «полуденного» пространства здесь актуализируют сферу глуттонического как пира, воплощающего в себе идиллическое начало: «наконец пообедали — борщ, вареники, сыр жареный <...>, пироги с вишнями и варенье. Все блюда и чашки верхом. Разумеется, одно кушанье надо было запивать терновкою, другое — сливянкою, третье — смородиновкою¹. Каждое кушанье имело свою историю со множеством случаев происходивших при его употреблении» [Погодин 1844b: 159], т.е. это, по сути, ритуальное действие, где процессы погло-

¹ Мотив глуттонического (алкогольного) изобилия маркирует и образ малороссийского дома отца М. А. Максимовича, который «потчивал» автора «наливкою на выбор из сотни своих склянчек, из коих в двух не было одинакой» [Погодин 1844b: 167].

щения пищи и рассказывания о ней связаны. Сам Миргород обозначен в travelogue «знаменитым» [Погодин 1844b: 160], но эта знаменитость проистекает из гоголевского текста, что становится ясно из пейзажного описания провинциального, в целом мало чем примечательного топоса: «В Миргороде те же широкие улицы, низменные домики, грязь по дороге и лужа на перекрестке, как во время ссоры Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем; Гоголь только немножко польстил своему отечественному городу» [Погодин 1844b: 160]. Здесь литературная основа задает «эталон»¹ восприятия, смешивая реальности.

Тесно связанный с гоголевским началом образ фольклорной и исторической Малороссии также маркирует ее как пространство фантазии-рассказа-песни («Обуховка с песнями Капниста»; «Малороссийская жизнь с бесчисленными анекдотами и побасенками!» [Погодин 1844b: 165]) и вообще источника новых сюжетов («Мы проехали одно село Жуки. Не здесь ли Самуил Величко, канцелярист Войсковой Канцелярии, писал свою Историю, которая досталась мне на Лаптевском аукционе и составляет драгоценный памятник Малороссийской истории, никому досель неизвестный!» [Погодин 1844b: 158]).

Однако степень идилличности Малороссии падает при попадании нарратора в Правобережную Малороссию, маркированную меньшей привлекательностью, малонаселенностью, бедностью, грязью: «Малороссия за Днепром имеет уже другой характер, судя по большой дороге: местоположение хуже, селений мало, кое-где видишь грязный шинок, — и только» [Погодин 1844b: 170]; «бедные хижины в Радзивилове» [Погодин 1844b: 173]. Это лиминальное пространство — место столкновения русскости с инокультурными (польским и еврейским) влияниями, которые оцениваются Погодиным, судя по контексту, негативно: «Поляки и жидаы оказали на ней все свое влияние» [Погодин 1844b: 170]. Ср. с эксплицитно выраженным мотивом порчи в сумароковском тексте: «Князь Седмиградский Стефан Баторий населил Польскую Украину Россиянами, которые быв совершенно отторжены от своего отечества, мало по малу вводили у себя некоторые перенятые

¹ Другую «художественную призму», через которую нарратор воспринимает/описывает Малороссию, образует живопись Тенирса-«Теньера», изображающая жизнь крестьян: «Группа баб подле шинка была достойна кисти Теньера» [Погодин 1844b: 167].

обычаи, порчу языка, переменили образ жизни, одевание так, что от сего показался как будто совсем иной народ, ныне Малороссиянами именуемый» [Сумароков: 47]. Мотив порчи языка встречаем и у Левшина: «Он [малороссийский язык – авт.] происходит от древнего Славянского, но смешан с Немецкими, Латинскими и Польскими перековерканными словами; от чего делается почти не понятным Великороссиянину. По множеству иностранных выражений и особенных оборотов составляет самое отдаленнейшее наречие языка Российского» [Левшин: 77]. Не менее радикален в этом отношении и Долгорукий: «Здесь уже я почитал себя в чужих краях, по самой простой... причине: я переставал понимать язык народный» [Долгорукий: 64]. Погодин о порче языка ничего не пишет, жителей Полтавщины, в отличие от Долгорукого, понимает прекрасно, но подчеркивает религиозные и экономические последствия колонизации Малороссии: «Церковь основана первоначально для Христиан Греческого исповедания <...> и уже очень поздно завладели ею Католики, которые возвели монастырь в степень Лавры и сделали ее столицею и крепостью Католичества во всей этой стране» [Погодин 1844b: 171]; «Этот магнат [Потоцкий¹ — авт.] был ужасом всей страны по своим неистовствам» [Погодин 1844b: 172].

¹ Это наиболее отрицательный образ представителя рода польского Потоцких, маркированный жестокостью, примером чему служит исторический анекдот о чуть не убитом им кучере, которого спасло заступничество Св. Марии, после чего магнат «предался Почаевской Богоматери» и «обогатил особенно вкладами Лавру» [Погодин 1844b: 172]. Впрочем, русские авторы травелогов знают и иных Потоцких. Так, Долгорукий фиксирует положительный, отмеченный мотивом просвещения образ Северина Потоцкого («В Харькове по новому образованию просвещения заведен... Университет под попечением начальника того Округа, Графа Потоцкого» [Долгорукий: 50]), и в целом комплементарный образ Станислава Потоцкого, охарактеризованный мотивами власти, богатства, удачи («весь его [Умани — авт.] Уезд, составлен из имения Потоцкого, и донныне ему принадлежит» [Долгорукий: 215]; «владелец миллионов, вельможа Польши» [Долгорукий: 228]; «старший сын Фортуны, любимец счастья» [Долгорукий: 234]) а также известного как «демиург»-устроитель сада Софиевки под Уманью, одного из наиболее идиллически описываемых локусов Малороссии в русских травелогах того времени. Ср. с маркированным властью, богатством и супружеской любовью образ Потоцкого у Ф. Н. Глинки: «предпринял он сделать прекрасной сад в честь страстно любимой им супруги

После Радзивилова автор отмечает локус границы между Австрийской и Российской империями, переход через которую маркирован не только негативными эмоциями, но и оксюморонным образом «русского Бога», оставляемого нарратором по ту сторону шлагбаума: «Наконец вот и граница: шлагбаум Русский с черными и белыми полосами и шлагбаум Австрийский с полосками черными и желтыми. Хотя я еду в третий раз, а увидеть это разделение для меня опять было тяжело... Помолится русскому Богу на свою сторону и перекрестясь переступил черту» [Погодин 1844b: 173]. Мотив тяжести, вероятно, связан с мотивом разделения русских земель. По пересказу Барсукова, Погодин ограничивает «русскую» Галицию территорией до Бельза¹: «С Бельза... Галиция не Русская, а Польская, обитаемая чистыми Поляками» [Барсуков: 20]. Кроме того, русскость данного топоса в трактовке Погодина испытывает еще большее инокультурное давление, чем в Волини, поскольку к польскому и еврейскому добавляется австрийский (немецкий) компонент: «Поляки нахлынули на Галицию в XIV столетии и разорвали ее на части. Какие палаты выстроили они на кровавых трудах Малороссиян, подвергнувшихся сперва двойному игу католиков и жидов, а потом тройному — с придачею Австрийцев!» [Барсуков: 17]; уже в Перемышле «все древнее Русское стерто»

Софии. На первой раз отсчитан был миллион злотых» [Глинка: 221]; «Граф П*** владел большею частью Польской Украины. От Тульчина, главного его местопребывания, до тех мест, где Синюха вливается в Буг, пространство до двухсот верст занято было его деревнями» [Глинка: 224]. Образ Станислава Потоцкого как богача, оставившего «своим семи сынам по 13 тысяч душ и десяти дочерям по полутора миллиона рублей», мы встречаем и в черновом автографе статьи Погодина с припиской: «Все эти имения [в Русских владениях] в Малороссии! А Ржевукские, Браницкие и проч. и проч.» [Из статьи: 482], что актуализирует мотив польского засилья в Малороссии. Еще явственной данная мысль высказана в дорожном дневнике Погодина: «Каковы имения [Потоцкого – авт.] достались полякам, нахлынувшим на Русь» [Из статьи: 487]. Кроме того, Долгорукий упоминает в пространстве Киева отмеченный богатством образ Потоцкой: «дом Г-на Спер. <...> занимается уже несколько лет сряду во время Контрактов какой-то Графиней Потоцкой, которая за две недели найма платит до 4 тысяч рублей» [Долгорукий: 262].

¹ В другом travelogue Погодина от 1844 г. Галиция полностью маркирована русскостью: «Галиция [заселена – авт.] чистыми Русскими» [Погодин 1844a: 100].

[Барсуков: 19]. Также топос современного путешественнику Львова маркирован не русскостью, а европейскостью: «Львов украшается год от года и становится прекрасным Европейским городом» [Барсуков: 18]. Демаркация Своего и Чужого в Галиции проходит в тексте и через социальную сферу, где аристократию составляют поляки¹, а другие сословия («народ»), как считает Погодин, русские, под которыми автор, судя по контексту, понимает некое общерусское культурное (языковое и религиозное) единство, поскольку уравнивает Галицию с Малороссией: «Народ начинает теперь сознавать свое происхождение, и сердце его обращается невольно к Северу. Духовные, купцы, ремесленники, не только поселяне, говорят: мы — Русские! Да, они настоящие Русские, как в Чернигове, Полтаве, Харькове, говорят тем же языком, исповедуют ту же веру» [Барсуков: 17]. Таким образом, особенность имажинально-географической Малороссии в варианте Погодина заключается именно в этой общерусскости, причем не только в историческом, но и современном нарратору темпоральном слое. Этого нет, например, в травелоге Греча, который утверждает актуальную русскость народа Западной Украины, но по другую сторону границы — в Волини: «Вам удивительно слышать, что здесь, на границе Галиции, на Волини, говорят и молятся по-русски? Да это наше старинное Галицкое Княжество. Крестьяне здесь все Русские, православные» [Греч: 190]. Народ же в австрийской Галиции не охарактеризован ни этнически, ни религиозно, но лишь сословно — «крестьяне»

¹ Лиминальность Галиции, отошедшей к Австрии после раздела Польши, актуализирована и в образе «галицких помещиков» (поляков), владеющих «крестьянами и землями в России, особенно на Волини» [Барсуков: 17]. Погодин отмечает и обратное движение в лиминальном пространстве исторической памяти, когда русские помещики становились польскими подданными: «Любопытно было бы описать вторжение Шляхты с 16 столетия и разделение Русских поместьев, также рассказать, сколько Русских помещиков в течение времени до Екатерины II ополячилось, приняв Католическую веру, чтобы воспользоваться покровительством Польского Правительства» [Погодин 1844b: 170]. Остранение польско-малороссийскому пространству добавляет сообщаемый Погодиным факт о закреплении малороссийских крестьян русскими властями за польскими господами: «Русские крестьяне укрепились вполне здесь за своими господами, т. е. Поляками, только тогда, как эти губернии возвратились к России» [Погодин 1844b: 170].

[Греч: 185]. Сходным образом маркирует население Галиции Глинка, которым в данном пространстве выделены «крестьянин» и «господин». Последний, впрочем, определен этнически: это «поляки» [Глинка: 185], ущемляющие права неких неопределенных «крестьян» [Глинка: 186]. Русскость же Галиции актуализирована только в средневековом темпоральном слое: «Львов принадлежал потом многим Российским Князьям, у которых отбит был Поляками <...> Не только Львов, но большая часть Галиции принадлежала России. Обширна была держава Русская!» [Глинка: 186].

Если же говорить о пространстве исторической памяти в тексте Погодина, то здесь мы обнаруживаем лейтмотив забвения славы предков в современном темпоральном слое, что характерно для многих иных «малороссийских» травелогов русской литературы первой половины XIX в. Например, по поводу «Харьковской Семинарии» автор замечает: «Это знаменитый Харьковский Коллегиум, давший отечеству многих достойных воспитанников, имеющий свою историю — но где она?» [Погодин 1844b: 155]. Локус «запустелого дома» в Ерьсках связан с образом Д. П. Трощинского, «знаменитого человека», «остального из Екатерининского славного времени», который здесь «проводил последние годы жизни» [Погодин 1844b: 160]. Мотивом забвения отмечены Переяславль («Ничего древнего не видать из отчизны Владимира Мономаха. Как это больно!» [Погодин 1844b: 167]), Новгород-Волынский «с остатками древних укреплений, которые беспрестанно разваливаются» [Погодин 1844b: 170], а также две лавры — Печерская («мы... от таких живописных источников обращаемся к Уландам и Гейне, переводим со тщанием их мелочи и попираем ногами свои бисеры. Одно основание Печерской церкви есть такая поэма, которой позавидовала бы всякая Европейская литература» [Погодин 1844b: 169]) и Почаевская («Если человек, принадлежащий к ученому сословию, имел такое темное понятие о Почаевской Лавре, не видев своими глазами, что же известно о ней публике?» [Погодин 1844b: 172–173]).

Часть топосов маркирована связью с малороссийской персониферой, относящейся к российской имперской эпохе, без упоминания мотива забвения: «село Кибинцы», где «скончался» Трощинский; «дорога» Ромодань, «вероятно, в память походов Князя Ромодановского» [Погодин 1844b: 161]; «Ташань, где жил Румянцев Задунайский и Обуховка с песнями Капниста» [Погодин 1844b: 165]; «Острог с вос-

поминанием о первой славянской Библии, которую напечатал здесь Константин Острожский посредством печатника Ивана Федорова» [Погодин 1844b: 170–171]. Также без уточнения конкретных исторических событий и персонажей обозначены «Дубно и прочие места, столько известные в нашей Удельной Истории» [Погодин 1844b: 171]. В Лубнах выделен локус «знаменитого Лубенского монастыря» «на крутой горе Мгыри» [Погодин 1844b: 162] без уточнения, чем он знаменит; по дороге в Лубны упомянуто без подробностей «много курганов» [Погодин 1844b: 161].

В тексте Погодина достаточно топосов, которые лишь названы, но никак не охарактеризованы: Сумы, Кременчуг, Житомир, Броды. Напротив, наиболее подробно описаны два малороссийских топоса — Полтава и Киев, — но и их репрезентация крайне фрагментарна в сравнении с изображениями данных городов во многих иных русских травелогах первой половины XIX в.

Причем изображение Полтавы задано в тексте как оказия. Погодин сообщает, что вовсе не собирався посещать этот город (что было бы нонсенсом для «ученого» путешественника по Малороссии, например, Левшина), но был вынужден подчиниться обстоятельствам: «Я думал, что легко найду случай проехать из Харькова в Киев, предполагая непрерывное сообщение между двумя такими важными городами. Не тут-то было» [Погодин 1844b: 156]. Соответственно, Полтава предстает как случайное транзитное пространство между двумя значимыми для путешественника топосами, что, возможно, накладывает отпечаток на репрезентацию города, которая, по сути, сведена к пространству исторической памяти — местам Полтавской битвы. При этом сама битва описана рационалистически, фрагментарно, будучи связана с конкретными созерцаемыми нарратором локусами: «Все примечательные места в истории Полтавского сражения: вот здесь пробрался храбрый Полковник Головин с помощью к Полтавскому гарнизону. Там Шведы вели подкопы. Вот оттуда были вылазки осажденных. Там за Ворсклю. Между деревнями Крутым берегом и Искревою, стояло все Русское войско. Петр, узнав о крайности Коменданта, у которого оставалось только полторы бочки пороха и восемь ящиков патронов, решился на сражение; русское войско перешло через Ворсклу в брод и по мосту, — вон видите у леса деревня Петровка, — и расположилось станом подле деревни Яковцев, тылом прислонялось оно к Ворскле и защи-

щалось по флангам и с передних линий ретрашаментами. Сражение было в той стороне на равнине между двумя лесами. Вон оттуда ударил Меньшиков» [Погодин 1844b: 157]. Еще среди «сильных» мест полтавского текста названы локусы церкви, «где Петр приносил благодарение Господу Богу за одержанную победу» [Погодин 1844b: 157], и «домика, где отдыхал Петр I» [Погодин 1844b: 158]. Но мы фактически не находим в этом описании ни крайней эмоциональности, ни пафоса, ни различных риторических фигур, которыми украшают полтавский текст иные авторы, даже такие, казалось бы, склонные к деловой фактографии, как М. П. Жданов [Жданов 2024: 45]. Не обнаруживаются и черты «петровского мифа», обычно ярко выраженного в «полтавских» фрагментах русских травелогов первой половины XIX в. — вплоть до актуализации мотива божественного статуса Петра: «Как не обожать этого земного бога, как не сожалеть о преждевременной кончине его?» [Жданов 1843: 136]. Зато имеется мотив забвения как эрозии пространства исторической памяти: «В церкви обветшалой ходить уже страшно; того и гляди, что упадет потолок» [Погодин 1844b: 157]; «Домик, где отдыхал Петр I, был цел не слишком давно. Владелец его, сын современника Петрова, перенес его... в свою деревню, поссорясь с одним из... Губернаторов <...> На месте его стоит теперь бедный памятник» [Погодин 1844b: 158].

Значительная часть погодинской репрезентации Киева также относится к пространству исторической памяти в ее сакрально-историческом аспекте, что в целом соответствует характеристике киевского топоса в иных травелогах. Причем его отличает оксюморонное сочетание старины и новизны, т. е. Киев нов и стар одновременно, это пространство в становлении, актуализированное в тексте Погодина в образах обновляемых церквей: церковь Андрея Первозванного, «которая теперь восстанавливается»; Десятинная Церковь, «вновь построенная на месте древней Владимировой. Весь пол собран из древних камней. Церковь освящена недавно» [Погодин 1844b: 168]. Образ последней остроконечен «раздвоением» позиции нарратора на верующего и «археолога»: «Археолог, желал бы лучше вместо нее видеть один древний фундамент, очищенный во всем его пространстве, если уже нельзя было воздвигнуть целого храма» [Погодин 1844b: 168]. Также скупо упомянут локус Софийского собора с его «переходами» и «мозаическими образами» [Погодин 1844b: 168]. Однако основной акцент сделан на репре-

зентации Печерской лавры, изображение которой, впрочем, также лишено конкретики. Здесь выделены всего три сублокуса, причем так или иначе связанных с мотивом сакральных захоронений. Во-первых, это могила Митрополита Евгения, который принимал Погодина в Лавре в 1835 г. Во-вторых, выделен сублокус пещер под Лаврой, в рамках которого особо обозначены два сублокуса (условно второго порядка): «тесная церковь Св. Феодосия» и «мощи Нестора-летописателя», важного для нарратора, поскольку тот «короче познакомился с Патериком и святыми его сочинителями» [Погодин 1844b: 169]. В целом автор описывает сублокус пещер в общих чертах, сосредоточившись не на внешнем (пространственном), а на внутреннем компоненте духовного подвига монахов, преодолевающих материальное начало¹: «Ходя по пещерам, думал: сколько веры, преданности Богу, твердости духа, ненависти к миру должно иметь, чтобы заключиться в этих подземных гробах, вдали от света дневного, не принимать никакой пищи и питья, кроме просвиры, корки черного хлеба и воды, не выходить по двадцати, по тридцати лет из утробы земной, углубляться в себя, сосредоточивать все свои мысли на молитве. Какими чудесами преисполнена жизнь этих Святых отшельников» [Погодин 1844b: 169].

Мотив обновления Киева выражен и в образе строящегося университета, амбивалентного по своему описанию, маркированного, с одной стороны, мотивами визуальной привлекательности, масштабности, а с другой — излишней роскоши, вынесенности за пределы города, недостатка демиприродности: «Университет почти готов; огромное, великолепное здание, чуть ли не первое в Европе. <...> много места пропадет даром. Особенно в слишком широких коридорах. Щегольство губит

¹ В изображении «знаменитой Лавры Почаевской», наоборот, больший акцент сделан на визуальную привлекательность локуса: «Чудное положение! Колокольня видна Бог знает откуда»; «В день Успения была великолепная процессия. Образ чудотворной Божией Матери, стоящий весьма высоко над алтарем, открывался только в этот день при звуках особенной музыки» [Погодин 1844b: 171]; «Вид с террасы удивительный: горизонт в несколько сот верст! Колокольня во время иллюминации должна быть видима отовсюду и представлять зрелище единственное» [Погодин 1844b: 172]. Сообщается также об иных не сакральных, а служебных сублокусах и мирских деталях уклада монастырской жизни: «Здесь была школа, типография и разные другие заведения. Множество крестьян приписано было к монастырю» [Погодин 1844b: 172].

нас. Жаль также с первого взгляда, что здание выстроено за нынешним городом, а не внутри него и что недостает сада» [Погодин 1844b: 167]. В образовательной сфере Киева также упомянут отмеченный привлекательностью локус «женского Института», имеющего «прекрасный вид» [Погодин 1844b: 167].

Кроме того, подчеркнуто медиационно-центральное положение Киева на лиминальном Юго-Западе Российской империи, противопоставленном окраинной (в данном контексте) Польше: «Важность политическая Киева несравненно еще выше: это существенное средоточие между Великой Россией, Малороссией, Новой Россией и Польшей. Польские эмигранты ничего так не боятся, как возвышения Киева» [Погодин 1844b: 167]. При этом, как и в отношении Львова, задан мотив европейскости Киева: здание университета, «чуть ли не первое в Европе»; «по положению это первый город в Европе: такого разнообразия нет нигде» [Погодин 1844b: 167]. Отрицается мотив маргинальности/разбойности окрестностей Киева, что роднит погодинский травелог со ждановским [Жданов 2024: 51]: «Ночью не хотел выехать из Киева, опасаясь шалостей в окрестностях <...> Опасения мои о дороге оказались пустыми: ночью, лесом, в непогоду, одному, ехать так безопасно, как в городе» [Погодин 1844b: 170].

Таким образом, репрезентация Малороссии в тексте Погодина в основном представлена двумя локальными типами. Во-первых, это пространство идиллии, маркируемое мотивами привлекательности, изобилия, простора, естественности, свободы. Особое значение при описании данного пространственного типа уделено образу уютного малороссийского Дома-Сада, демиприродного по своей сути и при этом ахронно-закрытого, что составляет парадоксальный контраст с мотивом простора Малороссии. С этим локальным типом связана специфическая антропность — образ малороссиянина-крестьянина как «естественного человека», наивного, свободного от пороков цивилизации. Дополнительной «литературной» призмой, через которую нарратор смотрит на идиллическую Малороссию, выступает «гоголевская» Украина, воплощенная прежде всего в топосах Миргорода и усадьбы матери писателя.

Идилличность изображаемого пространства градуально убывает по мере движения на Запад. В связи с этим топос Левобережной Украины (с Харькова до Киева) имеет наиболее ярко выраженные идиллические

черты. Правобережная Украины после Киева (Волынь до Радзивилова как границы с Австрийской империей) менее идиллична. Австрийская Галиция же наиболее энтропийно-конфликтна. Все это пространства (от Харьковщины до Галиции включительно) подается Погодиным как русское по языку, вере. Но его культурную монолитность размывает инокультурный элемент, в качестве которого прежде всего выступает польскость (в том числе в форме католицизма). Соответственно, в основном с польским началом связана в тексте всякого рода энтропия, разрушающая идиллию. В Галиции к польскости добавляется австрийскость.

Пространство исторической памяти, связанное с линейным временем и представляющее собой второй пространственный тип Малороссии, выступает в этом плане противоположностью ахронно-циклической идиллии. Неслучайно в тексте актуализирован мотив забвения (земной славы), который можно рассматривать как вариант энтропийного начала. Историческая персонификация погодинской репрезентации Малороссии включает в себя образы Владимира I (Киев), Владимира Мономаха (Переяславль) из древнерусского слоя; Петра I + Меньшикова, Головина (в рамках полтавского топоса), Трощинского (Ереськи, Кибинцы), Румянцева-Задунайского (Ташань) из темпорального слоя «имперской» эпохи, наконец, из допетровской эпохи выделены образы Ромодановского и Константина Острожского (Острог). Кроме того, отдельный, «культурно-литературный» пласт малороссийской персонификации в погодинском варианте составляют упоминания летописца Нестора (Киев), первопечатника Федорова (Острог) и поэта Капниста (Обуховка). Большинство образов упомянуты вскользь за исключением Петра, но и «петровская» Полтава изображается с меньшей экспрессией, чем в других русских травелогах первой половины XIX в. К пространству исторической памяти в его сакрально-историческом варианте отнесены локусы Печерской и Почаевской лавр, ряда киевских церквей.

Особо стоит выделить образ Киева как центра Малороссии и в то же время воплощения русскости, противодействующего польскому (энтропийному в рамках погодинского текста) влиянию. Его характеризует мотив привлекательности, также ряд оксюморонных мотивов обновляющейся старины и русской европейскости, т. е. некоторого баланса между европоцентричностью и русскоцентричностью, в то

время как, например, в образе австрийского Львова этот баланс явно сдвинут в сторону европейскости.

Список литературы

Источники

Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина: в 22 кн. Кн. 7. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1893. 496 с.

Всеволожский Н. С. Путешествие чрез Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Африку и Париж в 1836 и 1837 годах: в 2 т. Т. 1. М.: Тип. Августа Семена, 1839. 502 с.

Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. Ч. 1. М.: Тип. С. Селивановского, 1815. 242 с.

Греч Н. И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции: в 3 ч. Ч. 3. СПб.: Тип. Н. Греча, 1839. 198 с.

Долгорукий И. М. Славны бубны за горами, или путешествие мое кое-куда 1810 года. М.: Университетская тип. (Катков и К°), 1870. 355 с.

Жданов М. П. Путевые записки по России, в двадцати губерниях: С. Петербургской, Новгородской, Тверской, Московской, Владимирской, Пензенской, Саратовской, Тамбовской, Воронежской, Курской, Харьковской, Екатеринославской, Полтавской, Киевской, Черниговской, Могилевской, Витебской, Псковской, Ярославской, Костромской, Нижегородской и Симбирской. СПб.: Изд. В. Полякова, 1843. 212 с.

Из дорожного дневника М. П. Погодина 1842 г. Черновой автограф // Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание в 3 т. М.: ИМЛИ РАН, 2012. Т. 2. С. 477–478.

Из статьи «Поездка пр<офессора> Погодина за границу в 1842 году». Черновой автограф // Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание в 3 т. М.: ИМЛИ РАН, 2012. Т. 2. С. 479–487.

Погодин М. П. Год в чужих краях (1839) в 4 ч. Ч. 1. М.: Университетская тип., 1844. 226 с.

Погодин М. П. Поездка пр<офессора> Погодина за границу в 1842 году // Москвитянин. 1844. № 1. С. 151–173.

Сумароков П. И. Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду Павла Сумарокова. СПб.: Императорская тип., 1803. Ч. I. 276 с.

Левшин А. Письма из Малороссии. Харьков: Университетская тип., 1816. 206 с.

Исследования

Беляков С. С. Русский взгляд на украинца // Вопросы национализма. 2015. № 2 (22). С. 80–91.

Булкина И. Киев в русской литературе первой трети XIX века: пространство историческое и литературное: дис. ... д-ра филос. по русской литературе. Тарту, 2010. 213 с.

Васильева Т. А. У истоков украинофильства: образ Украины в российской словесности конца XVIII – первой четверти XIX века: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2014. 232 с.

Гайда Ф. А. «Узнание нашей народности во всех ее различных видах»: Российская империя и украинофильство в 1820–1840-х годах // Тетради по консерватизму. 2022. № 2. С. 13–29.

Жданов С. С. Пространство Германии в отечественных травелогах второй трети XIX века (на материале текстов М. П. Погодина и Н. А. Корсакова) // Диалог культур: поэтика локального текста. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 2018. С. 8–22.

Жданов С. С. Пространственные образы лиминального Юго-Запада Российской империи (на материале «Путевых записок по России» М. П. Жданова) // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 3. С. 30–63. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-3-30-63>

Киселев В. С., Васильева Т. А. «Под отечественным небом странствую с мирною душою»: образ Украины в русских травелогах начала XIX в. (В. В. Измайлов, П. И. Шаликов, А. И. Левшин) // Имагология и компаративистика. 2015. № 2 (4). С. 20–42.

Мазин К. А. М. П. Погодин: человек, историк, публицист, коллекционер, турист... // Современные проблемы сервиса и туризма. 2014. № 3. С. 5–12.

Марчуков А. В. Образ Украины в русском сознании. Николай Гоголь и его время. М.: Регнум, 2011. 294 с.

Мацанура В. И. Украинская тема в русской литературе первой половины XIX века (проблемы эволюции, мифологизации, интертекстуальности): дис. ... д-ра филол. наук. Харьков, 2002. 441 с.

Рудикова Н. А. Парижский текст в заметках и путевых письмах русских путешественников конца 1830-х гг. (И. Г. Головин, Н. И. Греч, М. П. Погодин, В. М. Строев) // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 3 (66). С. 187–191.

Савчук Б. П., Билавич Г. В. Феномен «кризиса идентичности» русинов Галиции в украинском и российском дискурсе первой половины XIX в. // Русин. 2020. № 59. С. 89–114. DOI: 10.17223/18572685/59/6

Сизинцева Л. И. «Путевые записки» М. П. Погодина о Костромской губернии // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22. № 2. С. 304–308.

Сосенков Ф. С. «Украинский вопрос» и проблематика государственного единства в консервативной отечественной политико-правовой мысли XIX века // Вестник Нижегородской правовой академии. 2015. № 4 (4). С. 25–29.

Русская литература XVIII–XIX столетий

С. С. Жданов. Идиллия и история в репрезентации Малороссии
(на материале «Поездки профессора Погодина за границу в 1842 году» М. П. Погодина)

Чикалова И. Р. Наблюдения об Англии и англичанах в эгодокументах и отчетах
российских путешественников (конец XVIII – начало XX вв.) // Запад – Восток.
2016. № 9. С. 18–35.

References

- Beliakov, S. S. "Russkii vzgliad na ukraintsa" ["Russian Vision for the Ukrainian"]. *Voprosy natsionalizma*, no. 2 (22), 2015, pp. 80–91. (In Russ.)
- Bulkina, I. *Kiev v russkoi literature pervoi treti XIX veka: prostranstvo istoricheskoe i literaturnoe* [Kiev in Russian Literature of the First Third of the 19th Century: Historical and Literary Space: PhD Dissertation in Russian Literature]. Tartu, 2010. 213 p. (In Russ.)
- Vasil'eva, T. A. *U istokov ukrainofil'stva: obraz Ukrainy v rossiiskoi slovesnosti kontsa XVIII – pervoi chetverti XIX veka* [At the Origins of Ukrainophilia: Image of the Ukraine in Russian Literature of the End of the 18th – the First Quarter of the 19th Century: PhD Dissertation]. Tomsk, 2014. 232 p. (In Russ.)
- Gaida, F. A. "‘Uznanie nashei narodnosti vo vsekhn ee razlichnykh vidakh’: Rossiiskaia imperiia i ukrainofil'stvo v 1820–1840-kh godakh" ["‘Recognition of Our Nationality in All Its Various Forms’: The Russian Empire and Ukrainophilism in the 1820s–1840s"]. *Tetrad' po konservatizmu*, no. 2, 2022, pp. 13–29. (In Russ.)
- Zhdanov, S. S. "Prostranstvo Germanii v otechestvennykh travelogakh vtoroi treti XIX veka (na materiale tekstov M. P. Pogodina i N. A. Korsakova)" ["German Space in Russian Travelogues of the Second Third of the 19th Century (Based on the Texts by M. P. Pogodin and N. A. Korsakov)"]. *Dialog kul'tur: poetika lokal'nogo teksta* [Dialogue of Cultures: Poetics of a Local Text]. Gorno-Altaysk, Gorno-Altaysk State University Publ., 2018, pp. 8–22. (In Russ.)
- Zhdanov, S. S. "Prostranstvennye obrazy liminal'nogo Iugo-Zapada Rossiiskoi imperii (na materiale ‘Putevykh zapisok po Rossii’ M. P. Zhdanova)" ["Spatial Images of the Liminal South-West of the Russian Empire (Based on ‘Travel Notes Across Russia’ by M. P. Zhdanov)"]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 6, no. 3, 2024, pp. 30–63. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-3-30-63> (In Russ.)
- Kiselev, V. S., and T. A. Vasil'eva. "‘Pod otechestvennym nebom stranstvuiu s mirnoiu dushoiu’: obraz Ukrainy v russkikh travelogakh nachala XIX v. (V. V. Izmailov, P. I. Shalikov, A. I. Levshin)" ["‘Under the Fatherland Sky I Travel with the Peaceful Soul’: Ukraine Images in Russian Travelogues of the Early 19th Century (V. V. Izmailov, P. I. Shalikov, and A. I. Levshin)"]. *Imagologiya i komparativistika*, no. 2, 2015, pp. 20–42. (In Russ.)
- Mazin, K. A. "M. P. Pogodin: chelovek, istorik, publitsist, kollektzioner, turist..." ["M. P. Pogodin: Man, Historian, Publicist, Collector, Tourist..."]. *Sovremennye problemy servisa i turizma*, no. 3, 2014, pp. 5–12. (In Russ.)
- Marchukov, A. V. *Obraz Ukrainy v russkom soznanii. Nikolai Gogol' i ego vremia* [Ukraine Image in Russian Mind. Nikolay Gogol and His Time]. Moscow, Regnum Publ., 2011. 294 p. (In Russ.)
- Matsapura, V. I. *Ukrainskaia tema v russkoi literature pervoi poloviny XIX veka (problemy evoliutsii, mifologizatsii, intertekstual'nosti)* [Ukrainian Theme in Russian Literature of the First Half of the 19th Century (Problems of Evolution, Mythologization, and Intertextuality): DSc Dissertation]. Kharkiv, 2002. 441 p. (In Russ.)
- Rudikova, N. A. "Parizhskii tekst v zametkakh i putevykh pis'makh russkikh puteshestvennikov kontsa 1830-kh gg. (I. G. Golovin, N. I. Grech, M. P. Pogodin, V. M. Stroeve)" ["Paris Text in the Notes and Travel Letters by Russian Travelers of the Late 1830s (I. G. Golovin, N. I. Gretschev, M. P. Pogodin, and V. M. Stroeve)"]. *Uchenye*

zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, no. (66), 2015, pp. 187–191. (In Russ.)

Savchuk, B. P., and G. V. Bilavich. “Fenomen ‘krizisa identichnosti’ rusinov Galitsii v ukrainskom i rossiiskom diskurse pervoi poloviny XIX v.” [“The Phenomenon of ‘Identity Crisis’ of Galician Rusins in Ukrainian and Russian Discourse of the First Half of the 19th Century”]. *Rusin*, no. 59, 2020, pp. 89–114. DOI: 10.17223/18572685/59/6 (In Russ.)

Sizintseva, L. I. “‘Putevye zapiski’ M. P. Pogodina o Kostromskoi gubernii” [“‘Travel Notes’ by M. P. Pogodin About Kostroma Province”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 22, no. 2, 2016, pp. 304–308. (In Russ.)

Sosenkov, F. S. “‘Ukrainskii vopros’ i problematika gosudarstvennogo edinstva v konservativnoi otechestvennoi politiko-pravovoi mysli XIX veka” [“‘Ukrainian Question’ and the Problems of State Unity in the Conservative Domestic Political and Legal Thought of the 19th Century”]. *Vestnik Nizhegorodskoi pravovoi akademii*, no. 4 (4), 2015, pp. 25–29. (In Russ.)

Chikalova, I. R. “Nabludeniiia ob Anglii i anglichanakh v egodokumentakh i otchetakh rossiiskikh puteshestvennikov (konets XVIII – nachalo XX vv.)” [“Observations on England and Englishmen in the Documents and Reports of Russian Travelers (the Late 18th – Early 20th Centuries)”. *Zapad – Vostok*, no. 9, 2016, pp. 18–35. (In Russ.)